

Глава 1 Кровь на песке

Он открывает глаза и видит над собой голубое небо. Тело ломит, словно против богатырей бился на кулачных боях. Никогда еще такой боли он не испытывал, да и не то что жизнь у детей Солнца такая, что с болью учишься справляться. Никогда бы не подумал, что сможет испытывать нечто подобное. Кажется, Среча, потешаясь, вручила его нить сестре.

Застонав, садится Радомир на мягкой земле, растекающейся от малейшего движения. Губы пересохли и слиплись, и он морщится, силясь открыть рот. Как ни пытается, а не может вспомнить, что произошло, словно воспоминания, покинув его, птицами взмыли в небо. Радомир прижимает ладонь ко лбу, но тут же отдергивает ее, смотря на руку, покрытую песчинками. Внутри него все холодеет, и поднимает Радомир голову, глядя перед собой.

Несреча, ухмыльнувшись, сильнее сжимает его нить в руках.

— Песья кровь...

Вдоль берега разбросаны обломки корабля луннорожденных, а подле ног лижет песок волна. Радомир оборачивается; позади костяным хребтом поднимаются скалы, а у горизонта светлое небо молоком льется в звездную ночь. Ведун держится за голову, с силой хватает светлые волосы и в ужасе смотрит на бескрайнюю лазурь, раскинувшуюся перед ним блестящим в солнечных лучах полотном.

Этого не может быть.

Но он все вспоминает; резко, словно вспышка искр, когда огнивом высекают пламя. Огромное морское чудовище, кольцами сжимающее корабль. Крики людей. Полный ужаса взгляд Весны, которую он бросает в руки луннорожденного.

Тонущую девушку, чьи белоснежные волосы развеваются в соленой воде подобно змеям.

Воспоминания впиваются в него раскаленными наконечниками стрел. Ему кажется, что на его плечи опустили настоящую гору. Должен держать Радомир на себе ее вес, иначе рухнет она, а следом за ней — и он сам. Опускает голову между своих согнутых колен, тихонько застонав, и впивается взглядом в золотистый песок, жадно хватая разгоряченный воздух ртом.

Ему некого винить, кроме себя. Если бы он доверился видению, которое было ему даровано, ничего бы не случилось. Его народ подготовился бы к нападению, и северные волки ни за что не одолели бы их. Вместо этого он сглупил, возгор-

дился, и теперь народ Солнца погаснет в холодных лучах Луны. Кто повинен в этом, если не он?

Когда только стало ясно, что Дар отца перешел к сыну, в один голос стали твердить ему, сколь велика ответственность, возложенная на ведунов. Ему все казалось, что пугают его страшными сказками, что нет никаких северян, потому что до четырех своих лет ни разу не видел их он. В тот миг, когда их полосатые паруса появились на горизонте, Радомир потерял и отца, и мать. Он потерял все потому, что отец не доверился своему Дару.

И что же сделал Радомир двенадцать лет спустя? Он повторил ту же самую ошибку. Закрыв глаза, смотрел, но не видел, не желая признавать, что ничем не отличается от своего отца.

Того, что произошло, ему не изменить. Но ведь он может дать отпор тому, что наступает. Под силу ли ему это?

Радомир с трудом поднимается на ноги, и земля пляшет вокруг ритуальные танцы. Становится трудно дышать, дурнота подкатывает к горлу и, согнувшись, ведун избавляется от скудного содержимого своего желудка прямо на песок. Собственное тело словно бы старается навредить ему, сделать слабым и немощным. Обтерев рот рукавом порванной рубашки, снова вглядывается он в горизонт, да только не видит в нем помощи. Ничего не остается ему, кроме как идти вперед.

Вперед, но куда? У него нет ни единой мысли о том, что ему стоит сделать. Как добраться до

тех, кто дорог? Сейчас они окружены льдами далеких земель, погруженных в вечную Ночь, и на своих ногах ему к ним не приблизиться.

Нужен корабль. Быть может, на берег выбросило хоть одно целое судно?

Кости разорванного на части корабля разбросаны по всему берегу. Ведун хромает — похоже, повредил ногу во время падения, — но упрямо продолжает идти. Босыми ногами по песку шагать — настоящее испытание. Тот обжигает ступни, согретый светом Ярило, достающим до этих берегов. Радомир пытается идти по кромке воды, но песок там вязкий, словно глина, идти становится только сложнее. Тошнота не проходит, боль в теле разрывает на части. Шум волн навеивает мысли о том, как хорошо было бы сейчас окунуться по самые плечи в бочку, стоящую подле дома, да напиться из нее холодной ключевой воды. Во рту сухо, от жажды и жара кружится голова.

Когда он в последний раз был таким слабым?

Что стало с теми, с кем плыл он на корабле? Воспоминания возвращаются к нему рваными ключьями цельного полотна, и в них оглушающий крик Весны. Больше всех волнуется он о ней, не может места себе найти, проклиная за то, что оставил одну. Но мог бы он спасти ее, если бы поступил иначе? Другого выбора не было, в тот миг он выбрал меньшее из двух зол, отдав ее в руки варяга. Если бы он только знал, что с Весной все в порядке, мог увидеть хоть на мгнове-

ние и узнать, что с ней все хорошо, у него были бы силы для борьбы.

Эти мысли душат его чувством вины. Не может простить себе, что отворачивался от предчувствия, не позволял ему открыть себе глаза. Может, не будь он так горд и упрям, иначе все было бы? Кто знает, кто остался в живых из тех, кого должен был защищать?

Радомир должен все исправить. Он должен стать тем, кем ему было суждено.

Ведуном. Защитником.

Только есть ли ему еще кого защищать?

Путь долог. Радомир выбивается из сил. Он голоден и, кажется, умирает от жажды. Среди остатков кораблекрушения нет еды, словно бы боги, насмехаясь над ним, отдали воде все съестное, что украли викинги с их земель. Океанская вода соленая, ею не утолить жажду, а потому остается лишь терпеть.

Разум мутнеет, и от того сначала принимает он за мираж девичий силуэт, мелькнувший впереди. Радомир останавливается, сощурившись, и прикладывает ладонь к глазам, пытаясь различить, правда то или вымысел, которым одаривает его истерзанное жаждой и усталостью тело.

Она шатается при каждом шаге, словно готова упасть в любой момент. Длинные белые волосы покачиваются в такт, и солнечные блики пляшут на смятом металле, некогда бывшем частью ее брони. Босая, израненная, шагает она ему навстречу, и Радомир узнает ее.

Тонущую девушку. Воительницу, поваленную им на поле боя. Северянку, стоящую на берегу бурной студеной реки.

Ренэйст.

Ее имя отдает зимним холодом. Кажется, словно делает глоток холодной воды, смакуя его на языке.

После крушения ей досталось ничуть не меньше. Еле передвигает ногами, и, когда она останавливается, чтобы перевести дыхание, Радомир в полной мере понимает, что северянка не иллюзия. Затаившись, поспешно скрывается он за остатками корабля, прижимаясь спиной к нагретой жаром древесине, и закрывает глаза. Сердце бьется в груди загнанной птицей, а от волнения потеют руки. Он выглядывает в щель между разбухшими от воды досками и видит, как воительница садится на обломок, тяжело прислонившись спиной к обвалившейся мачте. Накрывает ладонью левую сторону ребер, запрокинув голову назад, — и замирает.

Как удалось ей выжить? Радомир и свое-то спасение не помнит, как и того, почему оказался в воде, но то, как медленно шла она ко дну, явно видится ему. Быть может, это очередное видение, наваянное Даром? Все чаще становится сложно понять, где реальность пересекается с картинками, что видны только ему. Даже сейчас Радомир не может быть уверен, что северянка настоящая. Подойти бы к ней, заговорить, прикоснуться, только пожить еще хочется.

Они враги. Нечего ему ждать от нее доброты.

Но любопытство гонит его вперед, заставляет снова и снова пытаться ее рассмотреть. Ратибор бы сейчас схватил за ухо, потянул бы назад, в безопасность, приговаривая, что любопытство Радомира погубит. Он бы съязвил, мол, так что же погубит, злоба или любопытство, но никто не ответит. Ведун не может быть уверен в том, что старейшина жив, потому и не останавливает себя. Увы, коль боги и есть, то благоразумием они его не наградили.

Она не кажется ему такой грозной, как говорят о северных воинах. Услышишь «варяги», сказанное шепотом, словно бы от слова самого беда приключится, и представляешь могучих мужей, пропитанных кровью и потом, от которых веет холодом и смертью. Девчонка на них не похожа. Макушкой вряд ли достанет до его плеча, да и меч ей будет не по руке. Радомир не сомневается в том, что именно ее он видел в своих видениях, да только что они могли значить?

Зачем боги указали ему на нее?

Странно думать, что им еще может быть какое-то дело до происходящего с теми, кого они оставили. Но если ведения — их дар, то разве не должен он был исчезнуть вместе с ними? Кому только не задавал этот вопрос Радомир, спрашивал, отчего чужие думы продолжают тревожить его и тех, кто так на него похож, но ни Ратибор, ни иные древние старцы так ничего и не ответили.

Значит, и боги никуда не делись, только молчат. Прячутся и таятся, словно бы и нет их здесь. Для них все это — лишь забава, и от мыслей этих гнев в груди его разгорается только сильнее.

Она не шевелится, словно бы и не дышит. Белые волосы падают на плечи, тонкие прядки колыхнутся от дыхания. Или же Радомир хочет думать, что девчонка дышит? Ему боязно остаться одному, вот только такой гордец никогда не признается в этом даже себе самому. Стремясь разглядеть лицо северянки, ведун поддается вперед, выглядывая из своего укрытия, и, не удержав вес тела на пострадавшей ноге, оступает. Древесина с громким треском ломается под подошвой сапога, и Радомир, перестав дышать, замирает на месте.

Ничего не происходит. Нет ни крика, ни шума. Может, она не услышала? Радомир практически убеждает себя в этом, успокаиваясь и теряя бдительность. Беспечность — непозволительная роскошь.

Ведун вновь выглядывает в небольшую щель между досками, чертыхнувшись про себя; северянки нет на том месте, где она была мгновение назад. Напрасно считал, словно бы та, что обучена убивать, не услышит в тишине не то что хруст древесины, лопнувшей под его сапогом, — судорожный вдох, сорвавшийся в тот момент с разбитых губ. Радомир оглядывается по сторонам, пытаясь найти ее взглядом. Его дела плохи. С такой ногой не убежать далеко, и это даже несмо-

тря на то, что сама луннорожденная не в лучшем состоянии. Радомир дышит глубоко, старается успокоиться. От паники не станет ему лучше.

Нужно уйти как можно скорее. Может, вернуться назад, откуда пришел, но избежать встречи с ней любым возможным способом. Быть внимательнее. Собственная беспечность играет с ним злую шутку.

Ему так и не удастся понять, с какой стороны дочь Луны подкрадывается к нему. Руки ее сильны, и она толкает его в плечи, заставляя тяжело опереться спиной о разбухшую от воды древесину. Не позволив даже вдохнуть, воительница давит локтем на шею, грозя сломать кадык, и тянется за мечом, но пояс ее пуст. Луннорожденная смотрит на него голубыми глазами, и ее горячее дыхание щекочет ему ключицы.

Он в ловушке. Девчонка провела его. Держит крепко, и кажется Радомиру, словно бы волчья пасть сжимается вокруг его шеи. Дернется — и ему конец. Разве может она быть такой сильной после всего, что с ними случилось? После полученных ею ран?

Движет ей ярость, холодная, но обжигающая.

Замирают напротив друг друга, внимательно наблюдают за малейшим движением. Словно зверь, готова она лишить его жизни, если Радомир сделает то, что ей не по нраву придется. Именно северянка первой нарушает нависшую над ними тишину:

— Ты тот самый ведун.

Знает его язык, хоть и говорит неправильно. Рычит, звучит приглушенно, и нет в ней перелива колокольчиков, коим так хороши певчие дочери Солнца. Нет, голос северянки другой, он полнится тьмой и лунным светом, отчего звучит таинственно. Словно бы из другого мира звучит этот голос, да разве не так это? Пока размышляет он, воительница делает еще один шаг к нему, сокращая и без того небольшое расстояние, двигаясь медленно, словно бы Радомир — олень, который сбежит, стоит ей сделать хоть одно резкое движение.

Ему не нравится чувствовать себя добычей.

Тянет он губы в надменной усмешке, словно бы и не боится ее вовсе. Да чтобы он, ведун, и боялся какой-то размахивающей мечом девчонки! Вспоминая их встречу на подступе к горящему Большеречью, думается ему, что и мечом-то она не слишком хорошо владеет. Словно бы и вовсе не на своем месте была, когда рвалась в самую гущу боя.

— Ты практически такая, какой я видел тебя в лесу, Ренэйст.

Удивление на ее лице даже приятно ему. Резко отходит она назад, и ведун жадно вдыхает, чувствуя, как ноет горло. Он заходится хриплым кашлем, в то время как северянка смотрит на него льдистыми глазами; теперь она действительно выглядит испуганной.

Так он назвал ее в зимнем лесу, где был гостем в своем видении, и на поле боя, когда оставил си-

няк на бледной скуле. Именно его вспомнил, когда увидел ее, бредущую ему навстречу по песку.

Ренэйст.

Ренэйст мечется по песку из стороны в сторону, прихрамывая и снова держась ладонью за левый бок. Каждый шаг заставляет ее морщиться, скалить зубы в болезненной гримасе. Он продолжает сидеть неподвижно, наблюдая за ней одними глазами. Не хотелось бы снова почувствовать, как она душит его.

К ней самой, кажется, возвращается способность говорить. Останавливается прямо напротив него, возвышаясь подобно скале, и спрашивает гулко:

— Мое имя. Откуда ты его знаешь?

Радомир усмехается, дернув плечом.

— Все было бы проще, если бы я сам знал откуда.

Такой ответ ее не радует. Она хмурится, смотрит с неодобрением, комкая пальцами ткань порванных одежд. В глазах ее плещется недоверие, да и он не склонен ей доверять. Не меньше, чем насмешка богов, то, что вдвоем они оказались на этом берегу, где Солнце и Луна делят небосвод.

Снова боги. Словно бы ничего без них случиться не может.

Северянка отступает на шаг назад, окинув побережье задумчивым взглядом. Устремляет его вдаль, на север, словно бы может видеть она, что происходит сейчас в далекой ее родине. Сколько времени провели они на берегу? Успели ли ко-